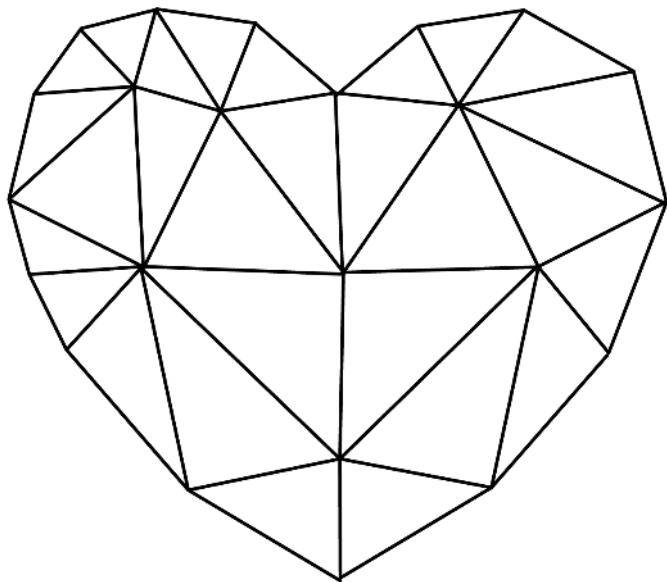

ВЛАДИМИР КАЧАН

**На костылях
ЛЮБВИ**

Москва
Издательство «АСТ»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К30

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Оформление обложки и иллюстрации: *Юлия Межова*

Качан, Владимир Андреевич

К30 На костылях любви / Владимир Качан.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 316, [2] с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-118589-3

Вспомним удивительную закономерность: если человек талантлив, то обязательно сразу в нескольких направлениях. Это как раз про Владимира Андреевича. Одна из граней его таланта — прекрасная, ироничная, иногда немного грустная, а иногда уморительно смешная, но в любом случае качественная проза, написанная на одном дыхании. И читается она также: открываешь первую страницу и... не можешь оторваться.

© Владимир Качан, текст, 2019
© Юлия Межова, иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

А ТЕПЕРЬ БЕГИ! . .

После того как Гена ее убил, ему стало тяжело жить, вернее, не то чтобы тяжело, а как-то беспокойно. И хотя он убил ее не прямо, не физически, а косвенно, беспокойство и душевный дискомфорт не оставляли. Она уже не жила, а Гена жил и собирался жить еще долго.

Сам он очень боялся смерти, он знал, что когда-то это произойдет, но всячески гнал от себя эту мысль; он полагал, что ему в этом смысле повезет больше, чем другим: он будет жить долго, рано не умрет. Ничем серьезным он никогда не болел, но, где бы у него ни закололо или ни заболело, он непременно

подозревал рак, никак не меньше. И, хотя в глубине души Гена умирать не собирался, тем не менее этак сладенько со смертью поигрывал, заигрывал с ней в пределах допустимого: то улицу перебежит в опасном месте, то заплывет далеко в море, но не очень далеко, в общем, рисковал, но не сильно. Другьям и знакомым он говорил, что не доживет до сорока, втайне ему мерещился заветный возраст — тридцать семь, но, когда он благополучно перешагнул через этот рубеж, он стал говорить о сорока двух — сорока трех годах: линия жизни на ладони у него именно такая, он выдумал какую-то таинственную цыганку, в юности нагадавшую ему смерть именно в этом возрасте. Ну, разумеется, если возросла продолжительность жизни вообще, то и продолжительность жизни высокоодаренных людей тоже: раньше было тридцать семь, теперь где-то 42—43. Ну, и без цыганки в этом вопросе тоже было нельзя — у Пушкина была ведь кофейная гадалщица, а еще цыганка Таня, предсказавшая ему смерть от белой головы, стало быть, и у Гены должна была появиться эта цыганка.

Он был очень мнительным и страстно влюбленным в себя человеком. Он любил себя так, что даже не мог в полной мере ответить себе взаимностью, это была даже не страсть, а постоянное холение и леление себя, нежелание отказать себе ни в чем, он баловал себя и все себе прощал, но после того как он

убил ее, наступил у Гены разлад с собственной персоной, потерял он согласие с собой, даже как-то немного охладел к себе. И хотя он убил ее не прямо, не физически, а косвенно, беспокойство и душевный дискомфорт не оставляли его.

А дело было так. Нина вышла замуж за Валентина не по любви, наоборот, это Валентин очень любил Нину и готов был сделать для нее все, лишь бы она была спокойна и счастлива. Но Нина с детства тяжело и постоянно тянулась к Гене и, хотя видела, что Гена к ней равнодушен, ничего не могла с собой поделать. Гена же не любил ее не потому, что Ее, а потому, что вообще не мог никого любить, иначе он изменил бы себе, а себя он обожал самозабвенно и нежно. Таким образом, складывалась типичная для русской классики картина: Валя любит Нину, Нина любит Гену, Гена любит себя. Но если не любишь, так и не люби, будь в стороне, но нет: Гена широко пользовался любовью Нины, он барственно позволял любить себя.

Справедливости ради надо сказать, что некоторое время Гена сопротивлялся: он видел, что отношение к нему этой девушки слишком серьезно, и смутно чувствовал, что если пойдет на поводу у похоти, то это будет большой грех. Даже уговаривал Нину остыть, выйти замуж за Валю, но уговаривал как-то так, что она, бедная, совсем сгорала; он уговаривал Нину не любить себя с каким-то трагическим кокет-

ством: выходи замуж, а я... как-нибудь один, это моя судьба,— короче, так, что с бедной девочкой становилось совсем плохо.

В конце концов она вышла замуж за Валу словно по приказу Гены. Если бы он велел, она вышла бы за дворника Мустафу из их дома, но он сказал: «Выйдешь замуж за Валу, будешь как за каменной стеной,— и прибавил, грустно глядя за воображаемую линию горизонта: — И забудешь меня...»

— У меня сердце ноет,— сказала Нина.— Поцелуй меня на прощание. Хоть один раз.

— Не надо,— сказал Гена и еще раз внутренне похвалил себя за мужество и волю: ведь Нина была очень хороша собой, а Гена — нет, ни в какую, умница...

И она пошла замуж за Валу, который, казалось, ждал ее всю жизнь, потому что так приказал любимый. Впрочем, Валя этого не знал, а если бы и знал, в его поведении вряд ли бы что-то изменилось. Валя был, что называется, из надежных людей.

Но когда Нина оказалась Валиной женой, когда его любовь, доверие, внимание и деликатность стали залечивать ее душевную рану, заглушать и ретушировать ее сердечную боль,— вот тогда-то Гене и стал подмигивать дьявол, вот тогда он возжелал Нину снова. Ситуация довольно типичная, и Гена это понимал. Понимал, что он не один такой, достаточно вспомнить хотя бы Онегина, которого потянуло к

Татьяне, когда она вышла замуж. Он знал это, наблюдал в других раньше. И ничего не делал, чтобы изменить себя: Гена считал, что это незачем, таким создала его природа. Кроме того, жить так удобно и хорошо: можно разрешать ухаживать за собой и позволять другим себя беречь, можно, наконец, позволять себя любить и, как клоп, высасывать кровь из любящего человека, покуда хватит аппетита, до последней капли.

Гена так и поступил. Случилось так, что Валя уехал на несколько дней по делам, и тогда Гена пришел к Нине.

Пришел, когда ей казалось, что она уже перестала его любить. Гена вначале позвонил, Нина сняла трубку и вдруг, после его «алло», почувствовала, что сейчас упадет. Ее выстроенный мир, ее маленькая крепость оказались сложенными из костяшек домино: чуть-чуть толкни — и все сразу посыплется. Но она еще держалась.

Она, как ей казалось, непринужденно и легко спросила его:

— Как дела?

Он помолчал, спросил:

— Нельзя ли обойтись без дежурных вопросов? — потом еще помолчал и добавил: — Я ошибся, отпустив тебя, я о тебе все время думаю, ты мне снишься, я хочу тебя обнимать, это меня мучает.

Гена не стеснялся таких слов. Из посещенных сеансов индийского кино он знал, что мелодрама пробьет себе дорогу к сердцу любой женщины. И Нина заплакала от облегчения и странного одновременного ощущения горя и счастья. Горя — оттого, что это рушило ее сложившуюся жизнь, а облегчения и счастья — оттого, что она тайно от всех и от себя об этом мечтала. И, словно плотина прорвалась, Ниной завладели нежность и желание. Она только и смогла прошелестеть в телефонную трубку:

— Зайди... сейчас.

Ее стала колотить крупная дрожь, она побежала прибирать комнату.

Через пятнадцать минут пришел Гена.

Все произошло мгновенно. Еще в передней она раздела его и себя, не переставая целовать; в глазах Гены промелькнул некоторый испуг перед шквалом такой обнаженной искренности и страсти, но Нина не обратила на это внимания, а скоро Гена и сам отвлекся, отдавшись инстинктам.

Он вкушал запретный плод, запретный по всем моральным категориям, внушенным с детства; он делал это тайно, отчего тот был еще слаще, и, самое главное, Гена чувствовал, что имеет над Ниной полную власть, что она будет делать все, что он попросит, и сейчас, в постели, и потом.

И он просил. Даже не просил, а просто велел, говорил, чего хочет,— и все так и было. А потом она долго

спрашивала, что же будет дальше с ней, как он теперь распорядится своей властью, что он прикажет ей делать. Гена пытался очень мягко объяснить, что ничего делать не нужно, что пусть все остается, как и было, пусть Валя ничего не знает, а они найдут время и способ, чтобы встречаться. Она говорила «конечно», а сама думала, что от Вали скрыть ничего не удастся: муж слишком ее любил и слишком чувствовал в ней малейшую перемену. Но любимый, ее хозяин, сказал, что будет так, — и так было.

Через два месяца ощущение остроты и пикантности воровства у Гены не притупилось, пока ему не осточертело вечное выражение собачьей преданности в глазах любовницы. Они стали встречаться реже и реже, она плакала и говорила, что, если он ее оставит, она не будет жить. Гена не придавал ее словам значения, считая их обычной дамской истерикой. Больше всего его раздражала банальность обрыдлого треугольника, миллион раз встречавшегося в жизни, в кино, в литературе. Все происходило по дурацкой схеме: она изменяла мужу, затем любовник охладевал к ней, затем она травилась или бросалась под поезд. «Но время другое, — думал Гена. — Сейчас все стало настолько проще и циничнее, настолько обмелели и сузились, так сказать, реки страстей человеческих, настолько каждый зациклен на себе (Гена всех мерил по себе), что никто с собой не кон-

чает. Поплачут, напишут прощальные стихи и живут дальше, любят других, а это все, что казалось в свое время важным, становится со временем даже смешным и занятным: мол, со мной ли это было?..»

Наконец наступил момент, когда Гена порвал посылую связь и не появлялся целых полгода. Через эти полгода, осенью, теперь-то он намертво помнил число, 1 ноября, он сильно напился и позвонил, решив, что, если трубку снимет Валя, он просто не будет говорить. Но трубку сняла она, Валя был на работе, и он снова пришел к ней с бутылкой коньяка, а когда еще немного выпил, опять взял то, что хотел, хотя Нина была уже в его руках не любящей иступленно женщиной, а безвольной, постоянно плачущей и покорной: если тебе очень надо — на.

Потом Гена сразу ушел, прихватив оставшийся коньяк (все-таки улика), — а у дверей, не оборачиваясь, сказал:

— И так будет всю твою жизнь, поняла?

Наутро Валя пришел с работы и застал жену отравившейся снотворным. Смерть наступила, как сказал потом врач, в четыре часа утра. Ни предсмертной записки, ни объяснения случившемуся не было.

Гена узнал о смерти Нины от Вали, который позвонил ему, чтобы позвать на похороны. Он пришел и уронил слезу над гробом, а когда отходил, поймал на себе слишком пристальный взгляд Нининой

подруги Веры. Вера смотрела на него с брезгливым испугом, как на подползающего гада. Гена обеспокоился, но быстро утешил себя: ведь никто ничего доказать не может, их встречи с Ниной происходили с глаза на глаз, и его никогда не видели даже соседи, уж об этом-то он позаботился. А еще он сказал Нине, чтобы ни одна душа о нем не знала, и он был уверен, что Нина не ослушается. Ну а если она Вере что-то и сболтнула, то это сумасшедшие фантазии: все знают, что Нина раньше любила Гену и вот создала себе иллюзорный мир их встреч, что потом привело к психическому расстройству и трагическому концу, Гена тут ни при чем, все знают, что он даже уговаривал ее выйти за Валю.

И потом, когда они собрались на поминки, и позже, когда они с Валею остались вдвоем, вспоминали и молчали, он чувствовал, что его начала незаметно засасывать и остро тревожить эта странная игра. Он знал, а Валя — нет, и Валя относился к нему как к ближайшему другу, и выплескивал перед ним свою боль, свою душу, и говорил, что всегда знал о Нинином чувстве к Гене, но Гену за это не винил, а только старался принести ей покой и радость. Гена чувствовал странную и болезненную тягу к Вале. Но спустя какое-то время это гипнотическое любопытство, этот ирреальный интерес не прошел, а уси-

лился. Как Раскольников возвращался к месту преступления, так и Гена постоянно искал контактов с Вале́й. Не было недели, чтобы они не встречались, и их странная дружба становилась все теснее. При чем Вале все казалось совершенно естественным, а у Гены очень скоро появилось чувство, что он гуляет на грани сумасшествия, что должен совершиться поворот и разрешиться каким-то событием, иначе он и вправду может свихнуться.

И вот, ровно через год после событий, 1 ноября, Гена спускался в подвал, где работал Валя, с тем чтобы предложить другу отметить годовщину со дня смерти Нины.

Гена уже несколько раз бывал в этом подвале и каждый раз спускался туда с неприятным ощущением, что это уже было — то ли в какой-то другой жизни, то ли во сне (то, что называется дежавю). Ступени подвала стерлись, в центре каждой ступени образовалась впадина, так давно по ним ходили вверх и вниз, лестница была крутой и очень узкой, а стена справа — из красного облупившегося кирпича. За стену приходилось каждый раз хвататься, так как лестница была очень крутой, а ступени — скользкими. Гена уже почти спустился в каменный мешок, как вдруг прямо перед ним возник Валин напарник, Гена не помнил, как зовут его, и быстрой презрительной скороговоркой сообщил Гене, что Валя знает все.

— Что — все? — спросил Гена посеревшими губами, хотя заранее знал ответ.

— Да все,— сказал напарник.— Отчего его жена умерла. Ему кто-то рассказал. И не надо перед ним ломать комедию, не стоит, время дорого, и я сейчас все это тебе сообщаю не из-за твоих красивых глаз, а потому что боюсь за Валю: ведь он тебя сейчас ищет, а найдет — убьет, а убьет — сядет в тюрьму. Поэтому шанс бежать у тебя есть только сегодня и немедленно. Если сегодня Валя на тебя наткнется, то кончит сразу, завтра у него, может, еще что-то притупится, уйдет, может, обратится в суд, а там неизвестно, что и как повернется,— где доказательства? Но сегодня надо бежать и прятаться, сегодня непременно убьет, и надо уходить отсюда как можно скорее.

С этими словами он развернул одеревеневшее туловище Гены обратно к выходу и слегка подтолкнул. Гена остался стоять, ноги не двигались.

— Беги, гад! — хлестнул сзади фальцетный вскрик, словно будя его.

И Гена медленно и странно, как в рапидной съемке, побежал вверх на ватных ногах. Он выбежал на улицу и несколько секунд метался из стороны в сторону, не зная, влево или вправо ему кинуться. Почему-то в голову пришла мысль побежать домой и переодеться во что-нибудь эдакое, чтобы его не сразу узнали, но потом он сообразил, что Валя

может ждать его возле дома, и бросился в обратную сторону.

Ноги по-прежнему были будто ватными, Гена бежал в каком-то безнадежном паралитическом оцепенении, как в кошмарном сне, когда знаешь, что всё равно догонят, однако надо бежать, надо переставлять непослушные ноги, преодолевать эту мерзкую слабость в паху,— и в беспредельном ужасе он продолжал свой панический бег.

Обогнул дом и вбежал во двор, где был второй вход в продовольственный магазин и где работали грузчики. Возле служебного входа никого не было, а на пустых ящиках из-под бутылок лежал брошенный кем-то старый синий рабочий халат, а на нем — берет. Не раздумывая, Гена подхватил на бегу эту спасительную, как ему казалось, камуфляжную форму и побежал дальше, в подъезд, как он знал, выходящий на другую улицу. Не теряя темпа, в подъезде Гена напялил на себя сверху синий халат и натянул берет пониже. При выходе крайне осторожно выглянул налево, потом направо, быстро пересек улицу и побежал по переулку.

Гена подумал, что первая фаза побега ему удалась, что удалось, по крайней мере, если не отменить, то отсрочить неминуемую расправу, и теперь необходимо решить, куда бежать дальше, надо ведь не бесцельно бежать куда-то, а так, чтобы не нашли.

Боковым зрением он уловил, что шагах в двадцати из-за дома появилась какая-то фигура, и бросился в сторону, в соседний двор. Сердце провалилось куда-то в живот, и Гена беспорядочно заметался между домами. Ни в голове его, ни в душе больше не было ничего, кроме предсмертного заячьего крика. Он испытывал только чисто биологическое ощущение преследуемой дичи, когда на карте — жизнь и спасти могут только ноги. Через полминуты судорожных и нелепых рывков из стороны в сторону к нему вернулось человеческое, и он вспомнил, что очертания той, возникшей сбоку, фигуры ничего общего с Валею не имели, и осознал к тому же, что его никто не преследует. Гена бессильно опустил на корточки у стены и попытался привести мысли в порядок и определить, куда двигаться дальше.

Неярко светило ласковое осеннее солнце; было бабье лето, последняя перед зимой мудрая улыбка природы, предназначавшаяся кому угодно, только не Гене, со своей панической суетой в душе никак не вписывавшемуся в теплый и свежий покой двора. Надо было бежать, но куда? Куда бы он ни пошел, там может оказаться Валя, предугадать, вычислить его будущее движение. Надо было поступить парадоксально, побежать в совсем неожиданное место, какое Вале и в голову не могло бы прийти. Ясно, что сейчас надо сесть на любой первый попавшийся троллей-